

ВАЛЕРИЙ ПЕРЕЛЕШИН

ЮЖНЫЙ ДОМ

1968

ВАЛЕРИЙ ПЕРЕЛЕШИН

ЮЖНЫЙ ДОМ

**ПЯТАЯ КНИГА
СТИХОТВОРЕНИЙ**

1968

Все права сохранены за автором

All rights reserved

ИЗДАНИЕ АВТОРА

Printer: I. Baschkirzew Buchdruckerei,
8 München-Allach, Peter-Müller-Str. 43.
Printed in Germany

ПОЭТ

Нелюбимые дети
Спят, придавлены тьмой,
Лишь меня на рассвете
Ночь отпустит домой,
В час двойки и странный,
В час усталый, когда
Тонкорунных туманов
Исчезают стада.
В час, когда, слабосильных,
Будят вас петухи —
После горнов плавильных
Остывают стихи . . .

Но за то, что со светом
Он встречает рассвет,
Нет пощады поэтам:
— Как он смеет, поэт,
Раньше утренних звонниц
Петь осанну лучам? —

Не прощают бессонниц
Те, кто спят по ночам.

ВЕСНА

Весна летит, как бурный шквал,
И трепетные сгустки снега
Уже предчувствуют финал
Ее веселого набега.

Она штурмует их теплом,
И ей не жаль снежинок милых,
Устало млеющих тайком
На водостоках, на перилах.

И, как они, обречены
Судьбы безжалостной причуде,
И мы, мечтатели, должны
Уйти, чтоб жили просто-люди.

Мы, мертвые, еще живем —
Поэты Божьи и снежинки,
Но что мы скажем, чем блеснем
На столь неравном поединке?

Весна придет навеселе,
Как подгулявшая девица, —
Придет и ляжет на земле,
А мы должны посторониться!

Растает снег и я умру,
Чтоб в полдень будущего лета
Плясали мальвы на ветру,
Трубили громкие поэты.

Мы станем пищей и водой,
И разве кто-нибудь в июле
Припомнит, проклиная зной,
Что самой белой белизной
Когда-то в мире мы сверкнули?

СОЧЕЛЬНИК

Так по закону выходит причин и последствий:
Стал я безродным, какое же мне Рождество?
Но почему-то в сочельник, как некогда в детстве,
Сердце взлетает и ждет неизвестно чего.

Думал, что вот, равнодушный и томно-усталый,
Жизнь искалечу, эффектно, расчетливо комкая.
Вышло иное: узлы и свистки, и вокзалы —
Жизнь, как у всех — небольшая, незлая, негромкая.

Если бы снова в страну продолжительной ночи,
Ту, где сейчас, пред рождением короткого дня,
Может быть, смотрят твои дальнозоркие очи,
На фотографии вида живого меня!

Я подойду и скажу тебе ласково: — Мама,
Хочешь, со мной поделись предрассветною скукою.
Или, позволь мне, я «Тристями» Мандельштама,
Глухо скандируя, сердце твое убаюкаю?

Многие ночи не спишь ты от серой тревоги
И повторяешь, вседневно, всенощно скорбя:
Как я могла не окликнуть, не стать на пороге,
Как я могла оторваться сама от себя?

Я подойду и скажу тебе . . . Ночь не услышит,
Ночь поседела, состарилась, скоро скончается.
Кто же услышит? За окнами ветер колышит
Вечнозеленые ветки, и ветки качаются.

УГОВОР

Я сегодня с ласковым упреком
Подойду к тебе, моя душа:
То витаешь в небе ты высоком,
То к земле склоняешься, греша.

То послушна ты и богомольна,
То пьянит тебя весенний хмель:
Ах, легка и слишком своевольна,
Слишком высока твоя качель!

Днем ты дремлешь, словно на ступени
Кружевного полубытия,
Ночью ты во власти наваждений,
Одержимая душа моя!

Но тебя я вылечу от сплина,
От капризов, взлетов и причуд:
Нам поможет только дисциплина,
Дисциплина, выдержка и труд.

Подражая всем великим людям,
Станем жизнь мы ровную вести:
По утрам стихи писать мы будем
Каждый день, с восьми до десяти.

Не ловя нездешнего мгновенья,
Не раскаливаясь добела,
Вынимать мы будем вдохновенье,
Как перо, из ящика стола.

ВОЗМЕЗДИЕ

Ты, в роковой своей гордыне
Земную разлюбив юдоль,
Все отдаешь за купол синий,
За радость тонкую и боль.

Но, женщина, страшись возмездий,
Избранничества не проси
И в мир сверкающих созвездий
Своей мечты не возноси.

Пусть величавой литургией
Просветлены твои черты:
За то, что здесь была Марией,
На небе Марфой станешь ты!

ОБ ОДНОМ СЕРДЦЕ

То слова мы судим, то поступки,
Крутимся, кусаемся, пока
Нас в жерло гигантской мясорубки
Не швырнет поспешная рука.

Солоно нам было или сладко,
Нравился чеснок или жасмин, —
Тех и тех размелет без остатка
Ненасытнейшая из машин.

Повара спешат — и оттого ли,
Что безмерен труд и краток срок,
Но порою может при размоле
Неразмолотым пройти кусок.

Так прошел, случайно неразмолот,
Тот кусок, что сердцем стал моим —
Оттого-то скука в нем и холод,
Малокровная дремота зим.

Столько раз весна к нему взывала,
Сердце отвечало: перестань!
И дышать, и чувствовать устала
Вялая изношенная ткань.

Словно чьи-то ласковые руки,
Греет солнце — сердцу всё равно.
И напрасно вкрадчивые звуки
Скрипки поднимаются в окно.

Ни тоской, ни жалостью к отчизне
В этом сердце кровь не закипит:
Сердце хочет отдохнуть от жизни,
Сердце затворяется и спит.

ЗЕВОТА

Зевают над книгой, над словом, над нотой,
Над собственным счастьем, над медленной славой,
Как старый профессор над лекцией сотой
По римскому праву.

И кажется будто бы ангел ленивый
Давно тяготится бесцельной работой
И смертью зевает над миром — сонливой,
Огромной зевотой . . .

МУРАВЕЙНИК

Хлопочет город муравьиный,
Юлит, волнуется, пыхтит:
Песчинками, соломой, глиной
Свою республику крепит.

Он суетится оголтело
И помнит только об одном:
Копить — сегодняшнее дело,
А жить — когда-нибудь потом.

Так день идет за днем, и годы
Из этих вырастают дней,
Но не скучает без свободы
Трудолюбивый муравей.

Просить досуга он не будет,
Ему могила не тесна,
Его не взвихрит, не разбудит
Вдруг налетевшая весна.

На солнце — так он занят, бедный —
Ему и некогда взглянуть,
А солнце вольно и победно
Свой вечный совершает путь.

Так, чуждый всем цепям и верам
И суетливости кликуш,
Поэт проходит Гулливером
Над миром карликовых душ.

ПОСЛЕДНИЙ ЛОТОС

В начале сентября,
От зноя отдыхая,
Вечерняя заря
Горит в садах Бэйхая.

Прозрачны и чисты
Сиреневые дали.
Надменные цветы,
Цветы уже увяли.

Торжественная тишь
Над мертвыми стеблями.
Последний лотос лишь
Один воздет, как знамя.

Стой. И не бойся ран.
Стой, гордый и отвесный,
Как древний великан,
Держащий круг небесный!

Так некогда и мы —
Но побеждали зимы,
И на ветру зимы
Мы таяли, как дымы.

Мы были как орлы
И в синеву любили
Бежать от сонной мглы,
От пешеходной пыли.

Быстрее южных льдин
Проголубели годы,
И я стою один,
Последний бард свободы.

Пекин,
1943 год.

РОССИЯ

Живу тревогами своими
О бедном сердце, о семье,
А ты, Россия, только имя,
Придуманное бытие.

Шесть букв, не вовсе позабытых,
И почему бы не забыть
Ту из Америк неоткрытых,
Куда не мне, не мне доплыть?

О, да, ты — заспанное слово,
А столько слов нужней, звончей:
Как звуки языка чужого,
Как скрипки ветренных ночей.

Зачем же смутною любовью
Я создаю тебя? Вот-вот
Вскипят сухие буквы кровью,
И давний призрак оживет.

Ужели в красоте раскосой,
В обетованьях смуглых тел
Голубоглазой, светлокосой
Одной России я хотел?

СОНЕТ

Есть озеро: вода его светла
И кажется невозмутимо сонной,
Но вслушайся: из пропасти бездонной
Подводные гудят колокола.

Есть, говорят, такие зеркала:
Прекрасный лик, случайно отраженный,
Они хранят, чтоб маг или влюбленный
Нашел его в прозрачности стекла.

Я озеро, которому, как Китеж,
Твоя судьба навек обручена.
Я зеркало, но и дойдя до дна,

Ты жадности безумной не насытишь.
Отныне, знай: ты будешь жить вдвойне
И наяву, и в этой глубине.

В РАЗЛУКЕ

Хочу не крыльев снежнобелых,
Недостижимых наяву,
А человеческих, несмелых,
Не заносащих в синеву, —

Умчаться из страны разлуки
На север ветренный — и пусть
Развеют любящие руки
Простую, маленькую грусть!

ИЗДАЛИ

Плачет за окном, изнывает скрипка,
Но цветет и светится из окна
Ваших губ незначащая улыбка,
Ваших глаз раскосая тишина.

Сердце так признательно, просто — радо
Милости без жертвы, без высоты,
Что ему совсем ничего не надо:
Ни рукопожатий, ни быть на ты.

Впрочем, и на ты называть вас можно
Ласковым шептаньем почти не вслух:
Даже и дышать надо осторожно,
Чтобы луч улыбчивый не потух.

Имени у счастья никто не спросит,
Сам изобретет вороха имен.
Каждое по-разному произносит
Тот, кто им утешен и озарен.

Счастье? вдруг иллюзия, вдруг ошибка?
Но ведь и рассвет, но ведь и весна . . .
Так цветы, обманчивая улыбка,
Лги, недолговечная тишина!

ЮЖНЫЙ ВЕТЕР

Сегодня дует ветер с юга
И начинается весна,
И, смуглая моя подруга,
Ты мне сегодня не верна.

Ты неподвижными глазами
Глядишь за здешнюю черту —
На деревушку за холмами,
Где абрикос давно в цвету.

А дальше, у речного мыса,
Где ты ловила черепах,
Взлелеянные всходы риса
Сверкают в утренних лучах.

Ты видишь: юноша веселый,
Теплу ласкающему рад,
Выходит, скинув долгополый
Перезаплатанный халат.

Он, твой жених от колыбели,
Шагает бодро по меже,
И щеки чуть порозовели
От солнца, знойного уже.

Он песенку поет, и звуки
Так властны над судьбой твоей,
Что ты наперекор разлуке
Всем сердцам отвечаешь ей . . .

Но я далек от укоризны:
О, разве ты виновна в том,
Что не заменят нам отчизны
Ни ласка, ни радушный дом?

Ну, что ж, откинем занавески,
И пусть, подосланный судьбой,
Зовущий ветер, злой и резкий,
Свободно реет над тобой!

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ АРГОНАВТ

Мне в подарок приносит время
Столько книг, и мыслей, и встреч,
Но еще легковесно бремя
Для моих неуставших плеч.

Я широк, как морское лоно:
Всё объемя и всё любя,
Все заветы и все знамена,
Цельный мир вбираю в себя.

Но, когда бы ведать, что с детства
Я Китаю был обручен,
Что для этого и наследства,
И семьи, и дома лишен, —

Я б родился в городе южном —
В Баошане или Чэнду —
В именитом, степенном, дружном,
Многодетном старом роду.

Мне мой дед, бакалавр ученый,
Дал бы имя «Свирель Луны»
Или строже: «Утес Дракона»,
Или тише: «Луч Тишины».

Под горячим солнцем смуглея,
Потемнело б мое лицо,
И серебряное на шее
Всё рельефней было б кольцо.

И, как рыбки в узких бассейнах
Под шатрами ярких кустов,
Я бы вырос в сетях затейных
Иероглифов и стихов.

Лет пятнадцати, вероятно,
По священной воле отца,
Я б женился на неопрятной,
Но богатой дочке купца.

Так, не зная, что мир мой тесен,
Я старел бы, важен и сыт,
Без раздумчивых русских песен,
От которых сердце горит.

А теперь, словно голос долга,
Голос дома поет во мне,
Если вольное слово «Волга»
На эфирной плывет волне.

Оттого, что при всей нагрузке
Вер, девизов, стягов и правд,
Я — до костного мозга русский
Заблудившийся аргонавт.

НЕИЗБЕЖНОЕ

Наш поцелуй стремителен и жарок,
Как будто в нем нисходит благодать.
Но знаю: свадебный тебе подарок
Когда-нибудь я буду выбирать.

Пусть рушатся подрубленные троны,
Горят леса и гибнут города,
Но грозные железные законы
Раз установлены — и навсегда.

Я перерос давно перегородки,
Язык, и кровь, и расу перерос,
И все другие древние решетки,
Какими человек свой дом обнес.

И мне тот день заране ненавистен,
Когда ты тихо скажешь: — Дорогой!
Как ни прекрасна временная пристань,
Но кораблю пора идти домой.

Мое, — ты скажешь, — ясно назначенье:
Я только дверь, и собрались за ней
Пришедшие родиться поколения
Раскосых, желтых, маленьких людей. —

И ты уйдешь за те глухие стены,
Которых тщетно я не признаю —
В холодный мир измены без измены
И в правоту жестокую свою.

Ни рас, ни каст, ни вер . . . Широко как море,
Как море, я останусь одинок —
Устало отражать чужие зори,
Роптать и порываться на восток.

Свобода, одиночество . . . ну, что же:
Сказать по правде, я вполне готов,
Как никому неведомый прохожий,
Последним греться у чужих костров.

НОЧЬ НА СИХУ

Под облаком, глухим и молчаливым
Особенная дремлет тишина.
К нему — с холма — готическим порывом
Игольчатая Башня взнесена.

Так Моисей на высоту Синая
Всходил один и говорил за всех . . .
Но, размышление резко обрывая,
Из лодки снизу раздается смех —

И я, турист, бросаю утомленно
Свой привозной, заморский реквизит:
Пусть этой ночью над водою сонной
Сквозь вымыслы мне правда засквозит.

Шестнадцатого — каждый месяц лунный —
Как говорят, «окно полно луной».
Луна везде! И я, отныне юный,
Впадаю в мир уже почти родной.

Печаль, с которой сердце не сживется,
Поверг Цюй Юань в речную быстрину.
Седой Ли Бо нашел на дне колодца
Похмельную и низкую луну . . .

Старинный город так учтиво замер,
Что я мечтаю в полузабытьи,
А девушка с послушными глазами
Напрасно ждет признания в любви.

МУЗЫКА

Закипают волнами фаготы, кларнеты, тромбоны,
Это ропот желанья растет в ураганную страсть,
И в потоке погибнут и слезы, и просьбы, и стоны,
И твои заклинанья, бессильные бурю заклясть.

Скрипка выше взлетает, но гонятся следом фаготы,
Ты от яростной своры не спрячешься, бедная лань.
Никуда не уйдешь ты от этой жестокой охоты,
Лучше сдайся на милость, противиться мне перестань!

Ты беспомощна, скрипка, ты гибнешь в разнузданном
гуле,
Я люблю тебя, трепетный лотос Востока, Юйсэ!
В этом ветре — послушай — рассыпались и потонули
Все твои увещанья, и боги, и ангелы все!

Ты возносишься вверх, в голубой целомудренный холод,
Как волшебным щитом, закрываясь своей чистотой,
Но непрочен твой щит — он надтреснут, надломлен,
расколот
И летит в пустоту, в обманувший мираж голубой.

Ты моя, своенравная лань! для чего ты боролась?
Для чего ты бежала от рук неизбежных моих?
Упади же, vox angelica, в человеческий голос,
Как усталая скрипка в настигнувший гул духовых!

КРАСНЫЕ ЛИСТЬЯ ПОД ИНЕЕМ

«Красные листья под инеем» — странное имя:
Сколько в Китае затейных и умных имен!
Часто бывал я пленен и обрадован ими,
В странное имя сегодня я снова влюблен.

Иней на листьях кленовых? Но вы же — весенний
Яркий и юный цветок! — и ответили вы:
— Много весною и красок, и снов, и цветений,
Осень скупее, и осенью меньше листвы.

Осень чиста и прозрачна, грустна и свободна.
Осень усталая — к жизни ее не зови.
Осенью иней на листьях, как панцырь холодный,
Гордая осень от вас не захочет любви. —

Да, но и осенью в полдень сильнее пригревает
Бледное солнце и светит в кленовом саду.
Будет минута: неласковый иней растает,
Красные листья и губы под ним я найду!

ДРУГУ

Лю Тянь-шэну

Те дни, когда приходишь ты ко мне,
Я отмечаю в книжке календарной
И в памяти, навеки благодарной:
Пуškai живут, отражены вдвойне
В бумажной и сердечной глубине!

Мы Мэйсфильда читаем, и пред нами
Проходят, приплывая издали,
Испания, корсары, корабли
С причудливо-родными именами
И манят нас волнующими снами.

Тогда не остается и следа
Печальных дум и давних меланхолий:
Мы дышим югом, дышим ветром воли,
И чудится обоим иногда
Веселый привкус горьковатой соли.

О, нам бы плыть неведомо куда,
В какое бездорожье голубое,
Под дальний гул растущего прибоя —
Но только так бы плыть, чтобы всегда
И в море нас, и в мире было двое!

УСТАЛЫМ

«Умереть, не оставив наследника —
Непростительный, худший позор», —
И в глазах моего собеседника
Я жестокий прочел приговор.

«Ваши Мальтусы, ваши фантазии —
Это гибели лживый язык.
Что ж, бездумные жители Азии
Населят и второй материк.

Вы бездетными в землю поляжете,
А Европу оставите нам:
Пригодятся заводы и пажити
Нашим желтым и жадным сынам!»

Я, запомнив слова горделивые,
Часто думал над ними потом:
Неужели мы вправду счастливые
Тем одним, что на свете живем?

Нам велели плодиться и множиться
В самой первой главе Бытия:
Отчего же никак не уложится
В эту заповедь воля моя?

Но откуда же слезы и жалобы,
И смятенье, и жалость, и страх?
И к чему же так скоро устала бы
Наша кровь повтораться в веках?

Если всё это — лишь неврастения,
Значит, надо ее побороть
И любить не стихи, не растения,
А живую горячую плоть.

Надо ринуть науку, евгенику,
Медицину в атаку на сплин,
Дозу счастья вколоть неврастенику,
Изобрести порошок «оптимин».

Меланхолики станут мормонами,
В Дон-Жуаны пойдет Агасфер,
И земля преисполнится звонами,
Благодарственной музыкой сфер!

ХУСИНЬТИН

Глядит в озерную равнину
Равнина бóльшая вверху.
Мы подплываем к Хусиньтину,
Где сердце озера Сиху.

Горячий ветер неприятен,
Нет тени от сквозной листвы.
И веет сухостью от пятен
Слегка желтеющей травы.

Заходим в храм пустой и скромный,
Чтоб с тишиною помолчать.
Здесь даже полдень неумный
Бессилен сумерки прогнать.

Сюда, приветливо взирая,
Вся золоченая, Гуаньинь
Сошла для нас от кущей рая
И строгой мудрости пустынь.

Сюда пришел еще неизвестным
Чжи Хуа, художник и монах:
Картины языком чудесным
Поют победно на стенах.

Ах, эти лотосы не вянут,
Листва не падает под дождь,
Святые эти не устанут
Сидеть в тени сосновых рощ.

Бессмертно будут петь о лете
Сегодня, завтра — как вчера
Своими иволгами эти
Несложенные веера!

Когда же, выйдя неохотно,
Мы жизнь увидим из дверей,
На зыбкие ее полотна
Посмотрим мы уже добрей:

Ведь тоже могут стать нетленны
Камыш и бабочки в цвету,
Лишь кисть, легка и совершенна,
Их остановит налету!

СЕВЕР

Ласточка на север улетает,
Где бездонно синяя вода,
Где весною долго снег не тает,
А сердца не тают никогда.

Запоздалой ласточкой из клетки
Я давно умчался бы домой,
Но платан протягивает ветки,
Говорит: «Ты мой, навеки мой!

Здесь на ласковом, на теплом юге
Ты среди друзей, среди подруг,
Но и я, и все мои подруги
Слишком слабы для полярных вьюг».

Нежные опутывают цепи,
Опадает воля, как волна:
Яркий юг цветных великолепий
Убаюкивает допьяна,

Вкрадчиво распахивает веер,
Перекачивает жемчуга . . .
Ласточка, лети себе на север:
Мне моя неволя дорога!

СИГАРЕТА

На крыльце с моим восточным другом
Курим на весеннем ветерке,
И горит зигзагом, а не кругом
Сигарета у него в руке.

Я сказал: «У русских есть примета:
Если косо примется подчас
Или станет гаснуть сигарета,
Значит, кто-то думает о нас».

Улыбнулся друг слегка надменно:
«Правда? отчего же, объясни,
Так со мной бывает неизменно
Даже и в безветренные дни?»

И со вздохом, лицемерно-тяжким,
Вдруг добавил: «Я, должно быть, злой,
Если нежным девушкам, бедняжкам,
Отравляю утренний покой.

Ну, а ты?» — И вздрогнул я с испугом,
Поскорей отвел в сторонку взгляд:
Как по циркулю, точнейшим кругом
Сигареты у меня горят!

Сигареты у меня не гаснут,
Девушка не сохнет ни одна,
И поэтому совсем напрасно
Ветром забавляется весна.

СЯНТАНЬЧЭН

В Сянтаньчэн рано — на рассвете —
Отдыхать ходят облака.
В Сянтаньчэн улетает ветер,
В Сянтаньчэн тянется река.

Сянтаньчэн — за холмом прохладным:
Днем туда голуби летят,
А потом фениксом нарядным
В Сянтаньчэн прячется закат.

В Сянтаньчэн просятся улыбки,
В Сянтаньчэн сходятся мечты.
Про него всхлипывают скрипки,
На него молятся цветы.

А когда бархатное знамя
Тишины ляжет на холмы,
Я спешу, окрыленный снами,
В Сянтаньчэн из моей тюрьмы.

По одной, радостной дороге —
В Сянтаньчэн, в мир и тишину!
К моему счастью-недотроге,
Верно, путь не заказан сну?

А когда возвращаюсь рано
В мой глухой ежедневный плен,
Вновь ползут встречные туманы
Отдыхать — снова в Сянтаньчэн.

ИЗ СЛЫШАННОГО

Стихотворение Лу Синя

Фонарики цветные освещают
распахнутую дверь в банкетный зал.
Красивая, нарядная служанка
подносит гостю яшмовый бокал.
Вдруг, вспомня, что безвременно в могилу
сошли все те, что были ей близки
она, чтоб скрыть рубцы от слез, притворно
рассматривает тонкие чулки.

ИЗДАЛЕКА

Это будет простое, туманное утро в Китае.
Прокричат петухи. Загрохочет далекий трамвай.
Как вчера и как завтра. Но птица отстанет от стаи,
Чтоб уже никогда не увидеть летящих стай.

Босоное солнце, зачем-то вскочившее рано,
Побежит на неряшливый берег и на острова,
И откинутся прочь длиннокосые девы тумана,
Над рекою брезгливо подняв свои рукава.

Ты проснешься и встанешь. И, моясь холодной водою,
Недосмотренный сон отряхнешь с полусонных ресниц.
И пойдешь переулком, не видя, что над головою
Распласталась прилетная стая усталых птиц.

Это сердце мое возвращается к милым пределам,
Чтобы там умереть, где так жадно любило оно,
Где умело оно быть свободным, и чистым, и смелым,
Где пылало оно . . . И сгорело давным-давно.

Но живет и сгоревшее — в серой золе или пепле.
Так я жил эти годы, не вспыхивая, не дыша.
Я, должно быть, оглох, и глаза мои рано ослепли,
Или это оглохла, ослепла моя душа?

Ты пойдешь переулками до кривобокого моста,
Где мы часто прощались до завтра. Навеки прощай,
Невозвратное счастье! Я знаю спокойно и просто:
В день, когда я умру, непременно вернусь в Китай.

ДВА СОЮЗА

Когда мне в детстве говорили
В былые дни больших удач:
«Вот, выбирай что хочешь: или
Волчок веселый, или мяч.

Какая вещь тебе милее?»
Я — о, святая простота! —
Чуть улыбался всей затее
И отвечал: «И та, и та».

А в юности мне предложили
На вольный выбор: приобрести
Обыденное счастье — или
Учености большую честь.

Удел невежества не светел,
Но и без счастья жизнь — ничто,
И, поразмыслив, я ответил
По-прежнему: «И то, и то».

В часы душевного разлада
Не раз твердил я: «Выбирай
Миг радости ценою ада
Или ценою скорби — рай».

Но жадного равно манили
И рай и радости земли,
И отвергал я слово «или»
Во имя радостного «и»!

КОШКА

Под кровлю игольчатого храма
Или дворца была ты рождена
И в снежный край теперь занесена
Из знойного, беспечного Сиама.

Потом тебя туристу продал лама,
И ты с тех пор то льстива и нежна,
Как пленная восточная княжна,
То мстительна, капризна и упряма.

Тогда мечты блуждают, далеки,
И светятся зеленые зрачки,
И в них — тоска, томленье, ностальгия.

В дождливые, бессолнечные дни
И у меня глаза почти такие
И видят лишь далекое они.

УТЕШЕНИЕ

Мне говорят: «Софист обманчивый,
Всегда бывавший всех правее,
Ненужной песни не заканчивай,
Посторонись, да поживее!

Умри, как жил: цветком беспочвенным,
Окраинным, больным и странным,
Напрасной страстью притороченным
К болотным лунам и туманам.

Тебя, кувшинку бледнолицую,
Не приласкают, не оценят:
Тебя осанистой пшеницею,
Овсом питательным заменят.

Уместно ли стихам лирическим
Звучать, больным и бесполезным,
В тысячелетии металлическом,
В столетии угольно-железном?

Ты ненавидишь муравьеньшей,
И муравьев, и Муравейник, —
Умри же, догматы затронувший
Изгой, чужак, несовременник!

Ни сына от тебя, ни дочери,
Ни песни воинской, ни клича:
Так в первую погибни очередь,
Забвенья верная добыча!»

Но в день, когда весь мир низринется
В безумие войны последней,
Утешится душа-пустынница,
Заулыбается победней:

Отрадно быть ни с кем не связанной,
Ни перед кем не виноватой
В час, ею же самой предсказанный —
На красном празднике Гекаты!

Ей будет некого и нечего
Терять в смерчах атомной бомбы:
Ни фунта мяса человеческого
Поэт не внес для гекатомбы!

ИСКАТЕЛЬ

Даль распахнулась широко,
Мутнеют очертанья мыса.
Плыви, плыви же, мой Арго,
Во тьму, на запад от Фарсиса!

Свобода, будь моей наградою,
Веди в туман мои стопы:
Я, некрылатый, первым падаю
За Геркулесовы Столпы.

Друзья роптали: «Что? куда?
В объятья гибели бесцельной?
Ты не вернешься никогда
Из этой ночи запредельной!

От века знаки нам положены,
И сказано устами Бога,
Что дни и лета всем умножены
Не преступающим порога».

Но я без мудрых якорей
Пустился в этот мир чудесный
Всё обреченней, всё быстреей
По линии почти отвесной.

Уже не просто отраженные
Вечерне-синие эмали, —
Здесь море — бездны наклоненные,
Вниз увлекающие дали.

Уж волны тянутся ко мне
Голодной дланью, жадным взором,
Но всё же рад я крутизне,
Пьян дерзновеньем, горд позором.

Так пусть равно необоримые
Закатный ветер или вес
Меня с моей свободой мнимую
Низринут в пустоту небес!

СОДЕРЖАНИЕ

Поэт	3
Весна	4
Сочельник	6
Уговор	8
Возмездие	9
Об одном сердце	10
Зевота	12
Муравейник	13
Последний лотос	14
Россия	16
Сонет	17
В разлуке	18
Издали	19
Южный ветер	20
Заблудившийся аргонавт	22
Неизбежное	24
Ночь на Сиху	26
Музыка	27
Красные листья под инеем	28
Другу	29
Усталым	30
Хусиньтин	32
Север	34
Сигарета	35
Сянтаньчэн	36
Из слышанного	37
Издалека	38
Два союза	40
Кошка	41
Утешение	42
Искатель	44

КНИГИ ВАЛЕРИЯ ПЕРЕЛЕШИНА

- В ПУТИ — первая книга стихотворений (1937).
ДОБРЫЙ УЛЕЙ — вторая книга стихотворений (1939).
СКАЗАНИЕ СТАРОГО МОРЯКА — перевод поэмы С. Т. Кольриджа (1940).
ЗВЕЗДА НАД МОРЕМ — третья книга стихотворений (1941).
ЖЕРТВА — четвертая книга стихотворений (1944).
КАЧЕЛЬ — шестая книга стихотворений — печатается.
СТИХИ НА ВЕЕРЕ — антология классической поэзии Китая — приготовлена к печати.
ЗАПОВЕДНИК — седьмая книга стихотворений — приготовлена к печати.
ЛИ САО — перевод древнекитайской поэмы — приготовлен к печати.

Сборники «Жертва» и «Южный Дом» могут быть приобретены от:

Mrs. Mary J. von Krusenstern-Peteretz: 1908 Florida Avenue, Washington, D.C., 20009, U.S.A.,
Telephone: 667-08-46.

Mrs. Olga Koreneff: 37 Albert Road, Strathfield 2135, Sydney, N.S.W., Australia.

Mr. V. F. Salatko-Petryshche: Rua Djalma Ulrich, 229, apto. 802, Rio de Janeiro (37), Gb., Brazil.

Цена каждого сборника 2 американских долл.